
СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ПАМЯТНОЙ ДИСКУССИИ

Цель этих коротких заметок – прояснить некоторые аспекты давнего, но все ещё живого диалога, а главным образом поговорить о его последствиях.

После публикации текста дискуссии по сохранившейся магнитофонной записи в журнале “Москва” (№ 1–3, 1990) в разных журналах либерального направления (“Знамя”, “Октябрь”, “Дружба народов”) был опубликован ряд откликов. При их чтении создаётся устойчивое впечатление, что авторы всё ещё не вышли из Большого зала ЦДЛ, что они продолжают шуметь и всплёскивать руками, как одна дама, сидевшая тогда за моей спиной и шептавшая с ужасом в голосе: “Вы что, не слышите, как они призывают к погрому?!”

“Они” – это Пётр Палиевский, Станислав Куняев, Вадим Кожин, Юрий Селезнёв.

Пригласили, дескать, патриотические “злодеи” бедных либералов для избияния и, вдохновлённые неким “властным разрешением”, учинили его при поддержке зала, проникнутого “националистической атмосферой”.

На самом деле не существовало в помине никакого “властного разрешения”. Дискуссия была заявлена как сугубо литературная и по изначальному замыслу Вадима Валериановича Кожина, её главного организатора, на открытый разговор были вызваны те, кто имел возможность предъявить все свои встречные аргументы. Имена были нерядовые: Анатолий Эфрос, Евгений Евтушенко, Александр Борщаговский, Ирина Роднянская, Андрей Битов, Серго Ломинадзе, доктор филологических наук Пётр Николаев.

В переполненном зале большая часть публики была настроена именно против Кожина, Селезнёва и их сотоварищей.

И разговор тогда – в 1977 году – шёл о вещах, не только не утративших своего значения для сегодняшнего дня, но, похоже, не утративших его и впредь, в будущей жизни России.

“Мне кажется, что классика, её фронт современности, тот активный интерес, который она вызывает сейчас, не понятна вне ближайшей истории нашей – нашего государства, нашей страны, нашей культуры с момента её возникновения... Каждому из нас придётся всё-таки вернуться... в тот момент исторического перехода и перевала, когда возникло новое общество и встал вопрос о строительстве новой культуры, новой социалистической культуры в нашей стране... Всё-таки те предположения, которые были высказаны классиками, те высокие образцы культуры, искусства, человеческого поведения и образа человеческого, которые были ими созданы, вовсе не так просто, как это многим казалось по наивности, могли быть усвоены сразу народом и войти в толщу поднявшегося им навстречу народного движения. Дело в том, что у них появился могучий противник, достаточно серьёзно претендовавший на своё понимание тех путей, которыми должна пойти культура, искусство и даже, если хотите, человеческий образ. Это было искусство авангар-

да – левое искусство, сложившее свои нормы и понятия и попытавшееся в этот момент, когда культура находилась в состоянии жесточайшего потрясения, когда выдающиеся представители этой культуры, будучи выразителями этой народной культуры высоких образцов, не поняли всё-таки многое из того, что происходило в стране, и покинули её пределы, когда в результате действительно очень серьёзного исторического, политического сдвига культура потеряла просто даже очень серьёзный и материальный урон, – в этот момент в образовавшееся пространство вошли в качестве активно действующих сил представители левых авангардных течений, попытавшиеся занять руководящее положение в культуре в нашей стране. Дело в том, что эта культура, культура авангарда и эстетика авангарда, по своему строению, по своему качеству и основному эстетическому направлению, безусловно, была резко, полярно противоположна классической культуре. Самый метод, самый способ её строения противостоял этому классическому наследию” (Пётр Палиевский).

И ведь сами тогдашние представители авангарда не отрицали этого. Но основополагающий тезис дискуссии, который оставалось лишь подкрепить примерами – и они не замедлили воспоследовать, – остался по сути без ответа. Спорить по существу было не о чем, осталось лишь придрататься к тем или иным примерам.

Вспомнил Палиевский о публикации писем Мейерхольда к Булгакову и обозначил, что “Мейерхольд не нужен Булгакову, зато Булгаков очень нужен Мейерхольду”. Полемизировать можно было, лишь приводя неоспоримые доказательства иного. Но их не было и не могло быть. Оставалось брать на визг, апеллируя к единомышленникам в зале, как и поступил Анатолий Эфрос.

“Зачем их сравнивать в том смысле, что один нуждался в одном, а другой – в другом? Ну а допустим, Вишневский нуждался в Мейерхольде. Ну и что? А Мейерхольд нуждался в Вишневском. (Шум). В данном случае Булгаков был воспитанник совсем другой школы, но почему говорить, что мы сосём кого-то, а нас, допустим, никто не сосёт?!” Сквозь эту истерику, на которую могла воспоследовать лишь реплика из зала: “Не вкусно!” (каков вопрос – таков ответ), до зрителей уже в уродливом изложении Эфроса доходил правый смысл слов Палиевского. И замена имени Булгакова именем Вишневского (братишки с револьвером), и утверждение, что “Булгаков был воспитанник совсем другой школы”, – всё работало на эту правоту.

И отчаянный вопль Эфроса в зал – “Ре-тро-град-ство!!!” – ничего не мог по сути изменить.

Либералы проиграли уже после его выступления. Требовалась с их стороны речь огненная, отчаянная, с железной аргументацией (если бы она нашлась!), чтобы “выправить положение”. Такой не было.

Более того, всё усугубил Евтушенко своими демагогическими обвинениями оппонентов в “ретроспективной склонности”, в “нападках на линию Маяковского”, упоминанием о “ссорах, на которые часто их (деятели культуры прошлого. – С. К.) натравливали мелкие околотитературные людишки”. И невдомёк ему было, что, восклицая: “Как это мелко для такой дискуссии!”, – он сам придавал ей мелочные интонации, за что получил достойную отповедь от Игоря Золотусского: “Классика, давая нам вот это идеальное представление о человеке, о мире, даёт нам какой-то высокий нравственный уровень, который не позволяет опускаться до такого понимания себя и человека. Понимаете, нельзя суету быта вносить в то, что оставили нам люди, которые заплатили жизнью за выстраданные ими идеи”.

Через тринадцать лет после дискуссии и сразу после публикации её текста либералы начали вступаться за своих единомышленников, битых тогда по всем статьям. Михаил Гефтер сразу после выхода “Москвы” с первой частью текста дискуссии дал в “Октябре” статью, в основу которой положил старые записи отдельных выступлений, до неузнаваемости перекорёженных, снабжённых репликами, которых ораторы и не произносили. И всё для того, чтобы сделать свой глобальный вывод: “Запах смущает. Чем-то смрадным, дурным потянуло. У обоняния своя память. И она нынче лихорадочно перелистывает календари назад. 1963-й? Эрнст Неизвестный, Манеж и Хрущёв? Нет, пожалуй, страница не та, она сама не своим отрывает. Ещё назад... 1952-й? 1949-й? 1946-й? Да, здесь. Мы на месте. Мимо не пройдёшь. Чересчур много примет. Меньше, правда, много меньше крестов и безымянных могил, чем в 30-м, 37-м. Но скованных уст, но раздавленных душ, но сызмальства со-

вращенных – меньше ли?” (“Октябрь”, № 5, 1990). В общем, “шил политику”, даже забыв о том, что в 1977-м никто никому из участников дискуссии уста не “сковывал”.

Мало того, что не сковывал. В панических рассуждениях Гефтера таилось, как это ни парадоксально, одно рациональное зёрнышко. Среди приглашённых для участия в дискуссии был один из активнейших участников баталии 1948 года – Александр Борщаговский. Без преувеличения можно сказать – он получил своеобразное “право на реванш”. И как же он им воспользовался?

А никак. Он ничего толком не смог сказать в защиту своей позиции – лишь оказался в состоянии усомниться в том, что “Тихий Дон” – лучший роман XX века, и вспомнил ненапечатанные романы “Кремль” и “У” Всеволода Иванова, одарённого, но так по-настоящему и не воплотившегося беллетриста. И этим фактически исчерпались все аргументы бывшего “космополита”.

Наталья Иванова в статье “Возвращение к настоящему”, опубликованной в журнале “Знамя” (№ 8, 1990), не заходила так далеко в историческое прошлое, а не мудря обращалась к современности. “Результаты этой “дискуссии” чрезвычайно показательны. Как мудро выразился один из милиционеров, беседовавших со мною в 83-м отделении милиции после известного антисемитского шабаша в ЦДЛ 18 января сего года, “у вас, интеллигентов, одни эмоции”. “Эмоциями”, а отнюдь не логикой была насыщена её собственная статья, в особенности в той части, где она выборочно, с дрожью в голосе цитировала речь Юрия Селезнёва, чьи слова и сегодня читаются, как выбитые в граните. “Третья мировая война идёт давно, и мы это все знаем хорошо, и мы не должны закрывать на это глаза... Так вот, я хочу сказать, что классическая, в том числе и русская классическая, литература сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта третья мировая идеологическая война. И здесь мира не может быть, его никогда не было в этой борьбе и, я думаю, не будет до тех пор, пока эта борьба... пока мы не осознаем, что эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной – за наши души, за нашу совесть, за наше будущее, пока в этой войне мы не победим”.

Преувеличения в словах Юрия Селезнёва не было ни малейшего – события середины-конца 10-х и конца 80-х годов XX века тому наглядное свидетельство. Разрушению всех и всяческих основ, крушению фундаментальных ценностей предшествует разрушение слова, крушение духовной атмосферы, традиционных констант и постулатов. Результат, как правило, один: большая кровь. И потоки этой крови можно было предвидеть, взирая на лихорадочное оживление “гонимых” и “непризнанных” авангардистов как в ту, так и в нашу эпоху, запомнившуюся жутким лозунгом: “Октябрь и перестройка: революция продолжается”. Автора этого изречения следовало немедленно снять со всех постов и, как минимум, отправить на пенсию без права занимать впредь какую-либо политическую должность. Но в его окружении не было ни одного человека, который бы адекватно воспринимал слово “революция”.

* * *

Не менее, думается, чем присутствие многих лиц на той памятной дискуссии, значимо отсутствие на ней одного человека, также специально приглашённого – Виктора Борисовича Шкловского. Он предпочёл не появляться, ибо знал, что ему обязательно напомнят его выступление на Первом съезде писателей СССР, где он предлагал судить Достоевского как изменника (это напоминание и прозвучало в речи Селезнёва), что непременно зайдёт разговор о теории формального метода, причём отнюдь не с положительными оценками (этот разговор завел Палиевский). Так или иначе, престарелый литературный боец, прототип Шполянского в булгаковской “Белой гвардии”, от открытого боя уклонился.

Но из этого совершенно не следует, что он не подал своей реплики.

Через некоторое время после события в ЦДЛ в “Литературной газете” появилась беседа со старым формалистом под многозначительным заголовком:

“Ветер надувает наши паруса”. Чьи паруса и какой ветер – разъяснять не требовалось. Ответный ход, пусть и заочно, был сделан.

Заочно... А приглашался Шкловский, как и другие, для открытого разговора. Вадим Кожин, честь ему и хвала, вызвал на дискуссию самых сильных идеологических и эстетических противников – по принципу “Иду на вы!”. Побеждать – так в открытом бою. Причём не абы кого – ни Станислава Рассадина, ни Бенедикта Сарнова, ни Вадима Соколова (эти весьма заурядные, но шумные литературные деятели приглашения не получили). Нет, здесь готовился интеллектуальный спор высшего уровня. И итог этого ристалища не мог предсказать никто. Сам сюжет дискуссии складывался независимо от его организаторов, и события в Центральном Доме литераторов 21 декабря 1977 года, поведение иных участников спора, реакция зала – всё это развивалось уже стихийно и неподвластно никакому сценарию. Традиционалисты выигрывали в честном поединке, и многие нейтральные зрители в зале были покореены их аргументацией и интеллектуальным напором.

Уроки этого собрания были учтены “противной стороной” в постперестроечные годы, когда на захваченном либералами телевидении даже тени подобной дискуссии не могло возникнуть. Ни Палиевский, ни Кожин, ни Куняев, ни Лобанов не имели никаких шансов получить хотя бы минимальное эфирное время для открытого и честного разговора со своими оппонентами. Вот тут уже действовала жёсткая, чётко продуманная система.

В общем, как написал незабвенный Юрий Кузнецов:

*Тут система, ну а мы стихия,
А за нами матушка Россия,
А за нами Божия гроза...
Всё-таки гляди во все глаза.*

* * *

... Всевозможные сплетни, которые уже в 1977 году пошли гулять по Москве, что, дескать, “патриоты” опираются на “некие силы” во власти, были лишены всякого основания. Эту чушь распространяли те, кто так и не смог смириться со своим позорным поражением. Власть отреагировала сразу после дискуссии – и отреагировала весьма жёстко.

Материалы дискуссии не только не появились в печати – было запрещено любое упоминание о ней. Когда я в 1989 году, помня о том, как В. Турбин привёл на дискуссию весь свой семинар с филологического факультета МГУ, что многие были с магнитофонами, что всё произносимое со сцены писалось для архива факультета, пришёл к заведующему фонографическим кабинетом Ю. Н. Чекрыжову и попросил сделать для меня копию записи в целях подготовки её к публикации, заведующий тихо произнёс:

– Все записи были немедленно уничтожены по распоряжению декана факультета.

Деканом был тогда Леонид Григорьевич Андреев, и я абсолютно убеждён, что эта акция была произведена не по его личной инициативе.

Полагаю, настало время опубликовать стенограмму дискуссии отдельным изданием с квалифицированным предисловием и фактологическим комментарием, а также со всеми сопутствующими материалами, включая статьи, опубликованные годы и годы спустя.